

Без романтических затей

Культура. - 1999.
24-30 июня -
с. 4

"Граф Нулин". Телекомпания "Игра"

Фото В. ГОРБЕЛЯ

М. Неелова и К. Гинкас на съемках

Бывают странные сближения. Сначала это шокирует. Хочется выставить руки вперед и зажмуриться: "Нет уж, увольте, господа, увольте, прошу вас". Потом любопытство все-таки пересиливает — когда понимаешь условия игры. Потом эта игра, помешавшаяся на скорости, несущаяся вскачь по лестницам, балконам и комнатам, цепляет тебя на крючок. Лихорадочно хватаешься за книжку — проверять себя и Пушкина. Водя пальцем по строчкам, вдруг обнаруживаешь, что улыбаешься. Что характерно — блаженно. Ну а послекусие у этого "Нулина" — как румянец во всю щеку с мороза: жаркий и веселый.

Я давно уже замечала скуку на лицах этих двоих. Все реже в глазах мелькало воспоминание об их юности, веселой и своевольной. Они шли в московской толпе, не смешиваясь с ней, два давних ленинградца. Сворачивали в переулки, пропадали из виду. Она? В Париже. Он? Да, говорят, опять в Финляндии. Наверное, глядя им вслед, кто-то торопился шептать — ужели все-таки постарели? И вдруг — колокольчик. Такой легкости в них обоих я давно уже не видела. Девочка и мальчик, выехавшие за город на экскурсию, они резвятся, как щенки в снегу. Но "егозливые прыжки... внезапно перенимают крылья ангельского парения". Она кокетлива, изыщна, остроумна. Он откровенно ею любит. Ну через камеру, естественно. Вообще ощущение, что весь этот спектакль я вижу через плечо Гинкаса, одетого в свой вечный черный свитер. Такой, как у Нееловой в кадре. Их "Нулин" — абсолютное хулиганство в духе Абрама Терца. Их демарш против превращения "этого нашего всего" в "популярное пятно с бакенбардами". "Легкость, — наставляет их Синявский, — вот первое, что мы выносим из его произведений в виде самого общего и мгновенного чувства". Они это мгновенно и выносят.

... Темнота на экране. Визг тормозов. Шорох шин, а вдруг кринолинов? Рука в черной перчатке вставляет ключ в зажигание, и нахальный навороченный автомобиль въезжает в кадр, подняв тучи снега. Погода стоит божественная, это уловлено с первого кадра. Падает крупный и тихий снег. "Граф Нулин" — начертано на лобовом стекле. Мощные дворники разметывают и снег, и название. За рулем Марина Неелова как она есть: соломенная челка, очки, серое пальто-шинелька и шелковый шарф вокруг шеи, эдак небрежно. Поехали.

Мелькают за окном деревья. Уши закладывает так, что первые пушкинские строки, сказанные ею через плечо кому-то на заднем сиденье, просто прозевываешь. Так быстренько мы пробегаем всю экспозицию: муж... любитель охоты... Наталья Павловна... любительница любовных романов... "Не жди меня!" Усмешка, ирония. Послед-

ние слова она договаривает уже снаружи — заглянув в салон сквозь опущенное стекло. Бежит к дому. А мы еще долго, как дураки, сидим в машине, надеясь, что она опомнится и вернется.

Мотнув рукой на вывеску "Музей", кивнув смотрительнице с вязаньем (старушка в недоумении оглядывается), Неелова мчит по лестнице, вихрем влетает в комнаты, обегает владения, осматривается, обживается, как ураган, меняет таблички на экспонатах. Что-то тожно шепчет на ушко очаровательной алебастровой головке. Скидывает пальто, роняет шарф. Прищурясь, вглядывается в картинки на стенах, бубня что-то о гусях и о лужах, о бабе, шедшей через грязный двор. На миг сворачивается калачиком в кресле, вздыхает: "Погода становилась хуже." И вдруг — шепотом, с загоревшимся глазом возвещает о колокольчике. (Сговорившись с Гинкасом — ну и, конечно, с Пушкиным, они заваривают такую кашу, что, кажется, сейчас спялят весь дом).

Ужель та самая Марина перед нами? Восхитительное своеволие со знаками препинания. Ставит запятые, где понравится, как мушки на щеку. Ломает и подрезает строку. Делает длинные паузы там, где их по определению быть не может. А то вдруг торопится, не давая зрителю перевести дух. Ей все прощаешь, потому что в этом нет натуги и многозначительной серьезности. А есть игра, желание вернуть жеваным-пережеванным строкам и чувство, и радость, и полет. Приезд Нулина она описывает нам через дверь, с любопытством подглядывая за гостем Натальи Павловны. Обед — сидя в одиночестве за столом гостиной, томно водя ложечкой по скатерти, по щеке — и вдруг на фразе "Тихонько графу руку жмет" хватая ложечку зубами. Фразу "Наталья Павловна раздета" просто превращает в эротическую сцену, раздевая манекен. Остальное довершает девка Параша, в которую в следующую секунду Неелова и преображается. Сцену разоблачения Нулина — в соседней комнате — Параша подслушивает через стену и пересказывает барыне. Бесконечные превращения не представляют для Марины. Нееловой труда, она, не заигрываясь, легко выходит из образа — а потом и из кадра. И влюбленная камера принимается ее искать. Ну и, конечно, обнаруживает совсем не там, где должно ей быть в данный момент.

Горят свечи в канделябре, крупный план актрисы. "Несносный жар его объемлет", — шепчет Неелова, поглаживая очаровательную женскую статую в тунике. Она завлекает вас, как русалка, а потом вдруг обманывает, снова дурачится. Изображая спящую Наталью Павловну, Неелова вдруг начинает храпеть. Нулин падает на колени, она кидается навзничь. Комментируя сцену, садится посреди лестницы по-турецки. Представляя пробуждение

своей героини, срывает шарф с плеча и стыдливо им прикрывается. Не знает, что бы еще ей такое выкинуть, — хватает табличку "Руками не трогать" и ставит себе на грудь. Она вошла в азарт. Ее несет, как Ивана Александровича Хлестакова.

Так могут играть (и снимать) только те, кто не скован корсетом академических знаний, кто любит Пушкина отдельно ото всех. Возможно, здесь все неправильно с точки зрения законов — Пушкина, телевидения, игры, композиции кадра. Но именно это "неправильно" и придает всей истории запах свежего морозного утра. Своеволье и безрассудство уравниваются влюбленностью. Как Вивальди — Россини. Бравурный Россини сопровождает, собственно, приключение. Печальный Вивальди заполняет томлением кадр, когда речь заходит о том, как была создана поэма, как был суверен Пушкин, равнявшийся в Петербурге так и оставшийся в Михайловском. Заяц перебежал ему дорогу. А если бы все-таки уехал, попал бы на Сенатскую и "не сидел бы теперь с вами, мои милые". И пустяк, каким иногда представляют "Графа Нулина", обрастает обстоятельствами времени и места...

Появление мужа Натальи Павловны — с охоты! — заставляет Неелову перейти на бас, а камеру заматывать в каком-то безумном танце. Недолго думая, она хватается охапку двух бутасфорских зайцев, надувает щеки, раскинувшись в кресле, — и портрет охотника готов. От этого всего ее саму разбавляет смех. Потом вдруг мы выглядываем в окно, чтобы увидеть готовый экипаж Нулина. Марина Неелова садится за руль и уезжает.

Остальное она доскажет нам по дороге. Через плечо, кому-то на заднем сиденье, как вначале. "Смеялся Лидин, их сосед, помещик двадцати трех лет". И мы видим наконец того, чья камера эти 36 минут влюбленно и покорно пыталась поспеть за Мариной Нееловой, — смеющегося Максима Тарасюгина, молодого оператора с современным "Бетакамом" наперевес.

"Теперь мы можем справедливо/ Сказать, что в наши времена/ Супругу верная жена./ Друзья мои, совсем не диво," — словно грозя нам пальчиком, заканчивает актриса (или Наталья Павловна?). А вот что она делает потом, вам никогда не догадаться. Показывает язык. И не оглянувшись, уходит по лестнице из Нескучного сада, в котором с ней и случилась эта мистификация.

А вслед Марине Нееловой раздается залихватский свист. Так раньше мальчишки свистели вслед своим девчонкам, которые им до смерти нравились. Что делают сейчас, режиссер не знает, ему это неинтересно. Он делает то, что хочет. И любит так, как чувствует.

Наталья КАЗЬМИНА

240